

Николай Некрасов

* * *

Удивительный факт: шагая по ступенькам школьных и вузовских учебников, читая воспоминания современников и исследования литературоведов, с годами я лишь раскрашивала тот контур, рисунок восприятия стихов Некрасова, который сложился у меня в детстве. Может, потому, что я сразу начала с вершины — одного из самых совершенных его творений? Меня, советскую девочку-интернационалистку, Николай Некрасов чудесно превратил в девочку русскую, не стесняющуюся, а гордящуюся своим крестьянским происхождением. (Точно так же, как Иван Никитин легко, несколькими строчками, пробил брешь в официальном школьном атеизме: «Это ты моя, // Русь державная, // Моя родина // Православная!»). Все дело, конечно, в красоте слова, потому что красота не может быть ложью, она-то и есть настоящая правда! Но разве красота слова не соединена с красотой души человеческой?!

Так вот, все последующие вольные или невольные биографические разыскания и подпорки «по Некрасову», разумеется, расширяли кругозор и эрудицию, были полезны и познавательны, давали пищу уму и позволяли лучше понять людей и время, но все-таки точнее всего о самом себе говорил поэт. Да и доверяла я Некрасову больше, чем его толкователям.

Стихи были самодостаточны, как, допустим, хрестоматийные «Однажды, в студеную зимнюю пору...» Они легко заучивались, ложились на память, будто уже существовали в высших, духовных сферах, а поэт их лишь открыл и явил миру, ничего не выдумывая и не искажая. Ну, допустим, как географы обнаружили Антарктиду, а физики — электричество.

Стихи про шестилетнего мужичка, везущего из леса «хворосту воз», тоже были студенными — «с клеймом нелюдистой, мертвящей зимы». И мною воспринимались трагически: малютке самостоятельно приходилось управлять груженными санями, лошадей (это же не цирковая пони!), и вся эта операция по доставке дров проходила в сильный мороз — понятное дело, чтобы лежанка в деревенской избе нагрелась, надо немало потрудиться.

Не помню, под каким соусом подавали нам это произведение («тяжелый крестьянский труд в дореформенную эпоху» — так, что ли?), но если бы я преподавала русскую словесность, я бы сказала о мужественности стихов и о великой силе народной педагогики. Мальчонке лишь «шестой миновал» — мелюзга, дошкольник, — а он уже кормилец, ответственный за семью! Работник, а не раб: с каким достоинством трудящегося человека, занятого полезным делом, он беседует с автором!

Русь во времена Некрасова была по преимуществу крестьянской, и удивительно, как поэт-дворянин, «рабовладелец» по рождению, мог с такой непритворной любовью, а часто и с восхищением, не говоря уже о сочувствии и уважении, относиться к людям ниже его по классу. (Как же это непохоже на нынешних внезап-